

Ревакина Анна. Последний доктор : повесть. — Москва : АСТ ; КПД, 2026. — 192 с. — (Неороман).

КНИЖНЫЕ новинки начала года приятно удивляют. Одной из них стало новое произведение Анны Ревакиной — известной поэтессы, от которой ждут прежде всего новых стихов. Однако перед нами не поэтический сборник, а повесть "Последний доктор", которая, как мне кажется, вполне может стать заметным событием в современной русской литературе.

Символично, что читал я текст донецкой поэтессы, находясь в больнице. В этом совпадении было что-то почти предопределённое: тема, интонация и внутренний ритм оказались понятны и близки во множестве возможных смыслов.

Композиционно повесть выстроена так, что каждая глава представляет собой тематически и драматически отдельное размышление героини. Своего

НАЕДИНЕ С ПУСТОТОЙ

рода внутренний монолог о человеческих душах, жизни и смерти, о любви и ответственности. С каждой страницей читатель всё глубже погружается в эти нелинейные истории, словно проходя своеобразную терапию.

"Человечность — это не синоним сердечности или доброты, это иллюстрация к скорбному выражению "человеки — такие люди".

Но в какой-то момент текст будто сбивает с ног, и ошибка эта неизбежна и необходима. К контрапункту автор ведёт осторожно, но математически точно. Я к этому моменту ещё вернусь...

В прозе Ревакиной платоновский слог органично переплетается с тонкой, почти музыкальной поэтикой слова. Уже с первых страниц заметны приёмы звукописи, привычные для поэзии, но теперь перенесённые в прозу. Эти, на первый взгляд, скрытые обертоны наверняка будут счи-

таны теми, кто чувствителен к постмодернистской традиции. Автор словно приближает текст к музыке, за счёт чего создаётся ощущение внутренней плотности и нарастающего темпа.

В русле постмодернистской традиции Анна Ревакина скрупулёзно и точно работает с деталями интерьера, внешности, мыслей. Из них она собирает цельную и убедительную картину, не перегружая её излишней описательностью. Текст порой словно сам подсказывает ключи к прочтению.

"Слова свяжут нас сильнее, чем какие-либо узы, они — единственное, за что мы будем отвечать в итоге".

Говоря о деталях, нельзя не упомянуть иллюстрации Юлии Кулгаевой-Давиной, которые придают тексту помимо музыкальности ещё и цветовую гамму. Относительно её работ просится цитата из "Последнего доктора":

ОДНАЖДЫ РОДИЛСЯ Я

Рыльщикова Илья. СВО XVII века : историческое исследование. — Москва: АСТ ; КПД, 2026 — 480 с. — (Исторический контекст)

ЛЕТОМ 2025 года книжный сервис "Строки" выпустил исследование, свидетельствующее о возросшем интересе россиян к исторической литературе — в охвате от нон-фикшн до остросюжетной исторической прозы, на 30% относительно предыдущего года.

Интерес к истории свидетельствует о напряжённом поиске адекватных, неспекулятивных ответов на вызовы современности, вступившей в период великих и трагических испытаний.

Особое значение в условиях читательского интереса приобретают нестандартные, кросс-культурные исследования, существующие на стыке жанровых канонов академической и популярной литературы.

Такому определению вполне отвечает книга "СВО XVII века" — уникальный документальный роман, погружающий читателя в эпоху русского "Бунташного века", показанную через личные судьбы далёких предков Захара Прилепина.

История рода современного русского писателя выступает отправной точкой для разговора о формировании русского общества, о реальных условиях жизни служилых людей и крестьян в первой половине и середине XVII века, ключевых событиях эпохи и их последствиях, иногда осязтиых и сегодня.

Автором исследования выступил Илья Рыльщикова: российский историк-архивист и писатель, автор книги "Предки Бунина: Тайны и открытия", отмеченной ведущими российскими специалистами как выдающийся пример современного — т. е. отвечающего методологическому и инструментальному развитию науки на сегодняшний день — исторического исследования. Тем не менее серьёзная, дотошная работа автора с архивными источниками не приводит, как часто бывает, к "узко-профессиональной перегруженности"; его книги остаются интересными и доступными как профессиональным историкам, так и людям,

увлекающимся исторической литературой в свободное время.

"СВО XVII века" предстаёт не сухим генеалогическим исследованием и не отстранённой хроникой прошлого, а увлекательным и разножанровым повествованием, к тому же выступающим как важный источник для понимания того непростого времени, когда закладывались предпосылки социальных и геополитических противоречий на многие века вперёд.

В НЕКОТОРОМ роде "герой" книги — Захар Прилепин — говорит о книге следующее: "Понятно, что моя родословная — интерес сугубо личный.

Были люди, жили люди — от них однажды родился я; обычные дела. Но речь тут, в сущности, и не обо мне даже. Рыльщикова начинает повествование своё неспешно, но чем дальше, тем больше картина, описываемая им, ширится, события — ускоряются, и вдруг — как из рога изобилия начинают сыпаться не только моей кровной родни имена, обнаруженные на такой огромной глубине — но и, подумать только! — Фонвизины, Пушкины, Ушаковы, Толстые, которые теми же дорогами шли на те же битвы! И возглавляли они, будучи дворянами, и моих предков в том числе. И выходили на бой все вместе в малороссийские туманные утра.

И не только мои, но, скорей всего, и ваши, читатели, предки были там.

Книга же эта, повторюсь, далеко не только обо мне. Скорей, родовые линии мои — повод рассказать, как жили русские люди в те давние времена. Как торговали, как работали, как воевали. О чём были главные заботы их. Повод рассказать про воевод прорывавшихся и про воевод честных. Про сельский сход и про царёв суд. Вся жизнь занимающийся русской историей, ничего этого я не знал! Я удивлялся на каждой странице!"

Владислав КРЫЛОВ

Иллюстрация: «Героическая оборона крепости Албазина. 1685 год». Художник Екатерина Камынина, член Союза художников России (студия им. М.Б. Грекова).

Гоноцкая Надежда, Малинецкий Георгий. Философские этюды : Новые рецепты реальности. Мысли на тарелке, бумаге и холсте. Выбор грядущего. — М. : Ленанд, 2025. — 202 с.

ОТНОШЕНИЯ между понятиями "синергия" и "синергетика" по созвучию своему неизбежно воспринимаются как сходные с отношениями между понятиями "энергия" и "энергетика", хотя на деле это далеко не так. Любой физик, обычный инженер или даже мало-мальски образованный (хотя бы в пределах девяти классов современной средней школы) человек, вплоть до самого простого обывателя, без труда ответит на вопрос о единицах измерения энергии: джоуль, киловатт-час, калория и так далее — их немало, но все они объективно существуют, принципиально измеримы и соотносимы между собой. Существуют и физические уравнения для определения энергии: знаменитая $E = mc^2$ (формула Эйнштейна), а также множество других, более специальных.

Относительно эффекта синергии ничего подобного, увы, не существует, и не наблюдается — это именно эффект, а не величина, и он, как ныне полагаются, вообще не относится к числу скалярных, исчислимых, а потому ни один, пусть самый гениальный, учёный не скажет вам, в каких собственных единицах он может быть измерен и/или какими формулами в связи с другими величинами описан. Соответственно, и синергетика ныне — далеко не технология реального (промышленного) производства по выработке синергии, как та же энергетика по отношению к энергии, а всего лишь теория самоорганизации сложных систем, "теория возникновения новых свойств у

ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО

целого, состоящего из взаимодействующих объектов". Впрочем, это реальное обстоятельство ни одним настоящим учёным не воспринимается иначе как вызов, поэтому попытки добиться синергии, в том числе во взаимодействии науки и философии — вроде бы разных, но несомненно родственных между собой сфер человеческого знания (понимания), — абсолютно неизбежны; пример недавней "научно-технической революции" неоспорим и если не перед глазами, то свеж в памяти, а мысль о том, что "философия — царица (мать) всех наук" со времён Горгия и Цицерона, будучи однажды высказана, периодически то обретает широкое признание, то, напротив, отрицается.

Сейчас, судя по всему, в этом отношении человечество в целом переживает период отрицания, словно забывая, что в давнем, философском всё-таки споре о том, что первично, курица или яйцо, единственный непротиворечивый ответ: "Яйцо. Но снесла его не курица". То есть дочерние системы могут очень сильно отличаться от родительских. О чём, собственно, и пишут авторы рецензируемой книги (вернее — сборника статей): "Будущее не единственно... Биологическая эволюция, история, наша судьба и многое другое — последовательность плавных путей развития, которые время от времени переменяются точками бифуркации. Именно в этих точках и делается выбор... Саму эволюцию следует представлять как последовательность точек бифуркации, которую проходила система", — в продолжение и развитие предыдущей работы Г.Г. Малинецкого "Синергетика — новый стиль

мышления". Дополнительная проблема видится здесь в том, что само понятие "бифуркация" содержит в себе указание на "раздвоение", хотя на деле нередко означает возможность перехода системы не в "одно из двух", а в "одно из трёх" или даже большее количество состояний.

Конечно, самым болезненным проявлением цивилизационной бифуркации вот уже более полувека служит отсутствие (действительное или мнимое) прорывов в освоении космоса, особенно применительно к России, открывшей запуском спутника и полётом Юрия Гагарина космическую эру в истории человечества, а ныне пребывающей на третьем, после США и КНР, месте по количеству космических стартов, с перспективой опуститься ещё ниже. Но это касается всех стран. "По сообщениям СМИ, 20 июля 1969 года Нил Армстронг (ступая на Луну, — Авт.) произнёс историческую фразу: "Этот малюк шаг одного человека означает гигантский скачок для всего человечества". Удивительным образом следующих шагов почти полвека не делалось". Столь обширное временное "плато", воспринимаемое как пауза в освоении космического пространства, вызывает растущие сомнения в том, что предыдущий шаг действительно был сделан, а не являлся результатом системного — политического, экономического и идеологического — соглашения между двумя космическими державами того времени: США и СССР. "В цивилизационном контексте продажа права первородства за чечевичную похлёбку, как в библейской притче, даёт локальный выигрыш и огромный глобальный проигрыш, превращение

"И сколько ни пытайся вас текстово замуровать, а всё равно самым верным будет нарисовать. Потому что не существует в мире таких слов, способных воспроизвести до мельчайших пор кожу, определить её цвет, глубину мимических складок у рта и между бровями, достоверно описать анатомию лица миллиметр за миллиметром, от уха до уха, от верхней границы лба до самого основания шеи".

Книга требует вдумчивого, неторопливого чтения. И здесь не недостаток, а скорее необходимое условие для настоящего погружения в образы и смыслы, которые она предлагает.

Размышления героини о полотнах Антонелло да Мессины, Ван Гога и Рембрандта, разговоры о смерти друга, семье, человечности неизбежно заставляют читателя заглянуть в собственную душу, исследовать её скрытые, не всегда удобные уголки и задаться вопросом: кем мы сами себя считаем?

ВОЗВРАЩАЯСЬ к контрапункту в финале повести: последние страницы ощущаются как нарастание внутреннего напряжения, когда текст

будто собирает воедино все рассеянные ранее смыслы и готовит читателя к неизбежному, но всё равно болезненно-столкновению.

Моё ощущение от последней главы было таким, словно меня сбили с ног и не дали времени прийти в себя. Резко. Громко. Неожиданно. Этот приём роднит "Последнего доктора" с еврейской философской прозой — от Камю до Кафки, где финал оставляет читателя наедине с пустотой и тревогой, на которые невозможно дать однозначный ответ.

Для меня книга Анны Ревакиной "Последний доктор" стала явлением литературы, которое не стремится понравиться, но честно ведёт диалог с читателем. И, возможно, именно в этом его главная сила — разбудить в человеке то, о чём ранее он не задумывался. Ведь именно в этой музыке слов кроются все ответы на вопросы, поставленные в повести, а мы, как единственные слушатели, становимся последним доктором для лечения собственных душ.

Степан БИРЮКОВ

НЕЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Лаврентьев Максим. Избранное. Книга стихов. — Москва : Романов, 2025. — 356 с.

КОГДА СОВРЕМЕНИК сует на то, что поэзия нынче не в моде, хочется спросить: "А кого читать?" Каллиопо, Эвтерпа и Эрато плачут в три ручья и три голоса, но сделать ничего не могут. Успокаивает их единственный из литераторов — Максим Лаврентьев — последний русский поэт. Я всегда знал, что Макс — фигура в русской литературе неординарная, но, прочитав его новый сборник стихов, всё равно испытал эстетический шок — "волну восторга", как сказал бы Карлос Сантана.

Сейчас полно версификаторов, которые обращаются к властям, к читателям, к боевым товарищам, к родине и ширнармассам по-свойски, полагаясь на общность прошлого и единство языка донора и реципиента, но для поэзии просто личного — даже героического — опыта мало: она оперирует словом и рифмой и, если настоящая, говорит с Богом. Трудно, если в целом возможно, найти сегодня поэта, который обращается к вечности на вечном русском языке. В стихах Максима Лаврентьева нет ничего от советской поэзии — впрочем, от антисоветской тоже нет: поэт живёт тем настоящим, которое — часть прошлого. Если говорить о каких-то истоках поэтики Лаврентьева, то нужно сосредоточиться на эстетике Серебряного века. Безусловно, ближайшим по духу Лаврентьеву будет Иннокентий Анненский, но ироничный Игорь-Северянин тоже не останется в стороне. Даже парадоксальный симбиоз Николая Гумилёва и Михаила Кузмина окрасит особыми тонами его поэзию.

В пышном и ярком сиянии Вечной Российской империи поэт Максим Лаврентьев предстаёт перед читателем не просто и даже не близко турбо-версией Николая Агнивцева, автора "Блистательного Санкт-Петербурга", а поэтом гораздо большей глубины при некотором внешнем сходстве стихотворных тем и подходов. Да и о Санкт-Петербурге у Максима Игоревича есть ряд стихов, менее восторженных и более ироничных, чем у Николая Агнивцева, но отражающих некоторые принципиальные противоречия личности Серебряного века, к чему я вернусь позже. А сейчас...

Атанор загружен. Мы открываем томик Лаврентьева или слушаем его стихи в авторском исполнении — и через пару часов понимаем, что нам дали именно то, что обещали: и философский камень алхимии, и созданное с его помощью золото в одном флаконе. Это трудное дело: возникнет лишь малый ущерб эстетическому чутью у беллетриста — и пафос его "беллес-петрес" становится смешным и постыдным: он глаза вверх, а ему в ответ лишь насмешка. Господь — литературный критик с безупречным чувством прекрасного.

Удержать пафос без соскальзывания в пошлость — вообще штука нелёгкая, но именно эта стойкость вкуса отличает истинного поэта от ситуативного рифмоплёта. Сейчас нет ни одного, кроме Максима Лаврентьева, поэта, который с достоинством держал бы за руку Вечность, не погружаясь в архаику с головой: Максим Игоревич — поэт современный; как авиетки у Северянина, живут в стихах Лаврентьева и нейронные сети, и текстовые процессоры, и прочие вещи дурного вкуса, но — в отличие от Игоря Васильевича Лотарёва — Лаврентьев не придаёт им метафизического значения, они суть — и всё. Присутствие этих вещей в стихах нашего современника придаёт миру техники ту уточнённую и плотную элегантность, о которой в своём "Дневнике вора" писал Жан Жене. Спокойствие, стоический героизм, поиск ритмики и рифмы в хаосе обыденной действительности — вот основы совершенства стихов Максима Лаврентьева, который ищет рифмы не для строки, но для события, слово — не для читателя, но для Бога, а уж люди-рифмы находят Лаврентьева сами.

"Поэт расправленной Вечности" — самое точное, что я могу подобрать для характеристики Максима

Лаврентьева, создающего свои строки ex nihilo в актуальном контексте.

ОДНАКО ОРУДИЕМ главного калибра в его поэзии является вовсе не присутствие возвышенных тем: ярости, агрессии, личной молитвы или путешествия, а отсутствие пубертатных песен — Лаврентьев не пишет стихов о любви. Да и свою гражданскую позицию выражает он косвенно, предпочитая не говорить о том, что не испытано на себе. И здесь самое время вернуться к Агнивцеву и чуть-чуть — к Гумилёву.

Сейчас трудно вспомнить, но то ли Марк Вишняк, то ли Роман Гуль (скорее, первый, но мог и второй) в одном из толстых журналов русского зарубежья припомнили в статье об Агнивцеве стихотворение "Пора" последнего, написанное в 1914 году:

*Поэты, встаньте в общем клоче, —
Довольно петь о Беатриче!
— Уже в полях свистит картечь
И реют ядра!..
— О, поэты,
Пора — жеманные сонеты —
Перековать на звонкий меч!
— Пока оружия не сложит —
Раздутый спесью швабский гном —
Пусть каждый бьётся тем, чем может:
Солдат — штыком, поэт — пером...*

Не в обиду Агнивцеву критик заявил в том смысле, что это всё "бла-бла-бла", а настоящий поэт, если и пишет о войне, то так:

*Как собака на цепи тяжёлой,
Тякает за лесом пулемёт,
И жужжат шрапнели, словно пчёлы,
Собирая ярко-красный мёд.*

Такой поэт сразу заявляет о битве как о нелёгком и — подобном пчелиному — монотонном труде, поскольку участвовал в этой работе лично, предпочтя воевать штыком, а не скрываться от ратной повинности за необходимостью сражаться с супостатом пером. Это был Николай Гумилёв, поэт прямого действия, прямого чувства и прямого стиля как в жизни, так и в изыщной словесности. Так вот, второе "не" Лаврентьева — молчать о том, чего не пережил лично. Он далёк от Z-спекуляций, чей аналог можно усмотреть у Агнивцева, зато близок мудрой сдержанности Гумилёва.

ЛАВРЕНТЬЕВ... книги последнего поэта Руси просто необходимо читать и хранить в домашних библиотеках на самой красивой полке самого красивого шкапа. В них каждый найдёт для себя утешение: подобно творцам Серебряного века, Максим много пишет эссе и критики; его интересы подобны интересам беллетристов Возрождения и — вы только посмотрите! — он размышляет о красивых интерьерах ("Дизайн в пространстве культуры") и природе самой красоты; о литературе и смерти ("Мастер и Маргарита мертвы"); о молитве, причём его мирское поэтическое переложение псалмов Давида не предполагает заменить Псалтирь. В этом есть скромность, чуждая, например, Андрею Белому, Вячеславу Иванову или Дмитрию Мережковскому, но тоже имевшая место (см., например: Иннокентий Анненский, о котором Зинаида Гиппиус сказала, что в его стихах содержится вся поэзия Серебряного века).

В моей библиотеке несколько книг Максима занимают почётное место, особенно та часть "Лаврентьевской летописи", которая долгое время считалась утерянной при переездах. Это — "Видения земли" — один из ранних сборников; он имеет дарственную надпись, но ценен не этим, а исключительно тем, что позволил мне много лет назад познакомиться с творчеством прекрасного поэта. С тех пор моя оценка таланта Максима Лаврентьева лишь повышалась. Поэтому я не цитирую его стихи, а просто предлагаю почитать самим.

Евгений МАЛИКОВ

субъекта в объект", — пишет по этому поводу Г. Малинецкий. Хотя, конечно, новые материалы и технологии, положенные в основу "космической революции Илона Маска" (о которой автор тоже пишет: "Компания Илона Маска "Спейс-Икс" разрабатывает глобальную спутниковую систему "Старлинк" для обеспечения планеты высокоскоростным широкополосным интернетом. Запланировано запустить 12–42 тыс. спутников на высотах от 300 км до 2000 км"), указывают на то, что эта "космическая пауза" тоже не должна и не может носить бесконечный, абсолютный характер, она будет прервана: скорее всего — из военных соображений.

КАК СВЯЗАНА проблема "космической паузы" с кулинарным искусством? Вернее, с нынешней эпохой "быстрой еды", доставляемой напрямую заказчику? А это лишь различные, но взаимосвязанные проявления перехода человечества от индустриального к постиндустриальному обществу, считают авторы книги. Размышления Н.В. Гоноцкой о рецепте блюд в интерпретациях магов-алхимиков-мастеров поварского искусства (вопреки Сократу, видеваемому в этом деле лишь проявление ремесленной сноровки) оказываются неожиданно сродни размышлениям профессиональных программистов, в целях экономии времени и сил доверяющих создание компьютерных алгоритмов "искусственному интеллекту", а потом сталкивающимся с невозможностью вариативной адаптации этих программ даже к близким и сходным задачам: "Рецепт для нас — больше, чем алгоритм, — это квинтэссенция культуры быта. Массовое производство устранил из рецепта его "жизненность", "одушевлённость" или, говоря словами Беньямина (Вальтер Беньямин — немецкий философ XX века. — Авт.), "ауру". Но не до конца".

"Наукоцентричность", свойственная индустриальному обществу XIX–XX веков, в первой четверти XXI века продемонстрировала свою недостаточность для обеспечения дальнейшего развития и даже существования человеческой цивилизации, для сохранения достигнутой "суммы технологий" (термин Станислава Лема, проблематика его романа "Солярис" рассмотрена в отдельной главе сборника, озаглавленной "Солярис и сознание"). "Вееру возможностей и угроз", уже овевающему наш современный мир и грозящему смахнуть его своими дальнейшими движениями, посвящена, возможно, центральная по своему значению работа сборника "Человек и мир в точке бифуркации", где, в частности, отмечается: "В стратегическом контексте соперничают четыре принципиально различных проекта будущего (предполагающих разные траектории перехода через нынешнюю "точку бифуркации". — Авт.). Это сценарий, предлагаемый Давосским экономическим форумом (швабовский императив), возвращение к религиозному мировосприятию и откат в большей или меньшей степени в Средневековье (бердеевский вариант), техногенный взлёт (большой проект Илона Маска), новые варианты самоорганизации на основе гуманистических этических идеалов (фронтальные сценарии)". Разумеется, авторы сборника высказываются в пользу последнего. Остаётся надеяться, что в этом отношении логика их намерений не сильно разойдётся с логикой обстоятельств. Во всяком случае, проблемы, описанные в "Философских этюдах", действительно актуальны, и обойтись без их решения — и в общечивилизационном, и в национальном (государственном), и даже в личном плане — нам уже не удастся.

Владимир ВИННИКОВ